

Корея в русско-японских отношениях (последняя треть XIX — начало XX в.)

Юрий Сергеевич Пестушко,

доктор исторических наук, профессор кафедры восточных языков ДВГГУ, Хабаровск.

E-mail: yuripestushko@yahoo.co.jp

В статье анализируется история противостояния Японии и России по вопросу доминирования на Корейском полуострове. На основе исторических источников и специальной литературы рассмотрены мероприятия, проводившиеся обеими странами в Корею в последней трети XIX — начале XX столетия. Отмечается, что предоставление Японии уступок (по условиям Портсмутского мирного договора) имело негативные последствия для российской восточноазиатской политики.

Ключевые слова: Корея, Япония, Россия, англо-японский союз, Русско-японская война, Портсмутский мирный договор.

Korea in the Russo-Japanese Relations in the Last Third of 19th and the Beginning of the 20th Centuries

Yuriy Pestushko, Doctor of Historical Sciences, Professor of Chair of Oriental Languages, Far Eastern State Humanitarian University, Khabarovsk.

The present paper analyses the history of conflict between Japan and Russia over the question of dominance on the Korean peninsula. The article educates the measures of the two countries toward Korea in the last third of 19th and the beginning of the 20th centuries. The major conclusion of this study is that recognition of Korea as a Japanese sphere of influence had negative consequences for Russia's policy in the East Asia. The present research paper is based on Russian and Japanese primary source materials as well as scientific literature.

Key words: Korea, Japan, Russia, Anglo-Japanese Alliance, Russo-Japanese War, Treaty of Portsmouth.

Начиная со второй половины XIX в., после неудач на Ближнем Востоке*, царское правительство стало уделять больше внимания Восточной Азии. В 1855 г. Россия подписала с Японией Симодский трактат, открывший русским судам порты Симодэ, Хакодатэ и Нагасаки. Айгуньский (1858 г.) и Пекинский (1860 г.) договоры с Китаем юридически закрепили за Россией территории на левом берегу Амура и Приморскую область.

---

* Речь идёт о Крымской войне (1853—1856 гг.), итогом которой стал Парижский мирный договор, нанёсший серьёзный удар международному престижу России. В частности, Россия возвратила Турции Карс, уступила Молдавскому княжеству устье Дуная и часть Южной Бессарабии. Чёрное море было объявлено нейтральным.

Вследствие активизации дальневосточной политики и расширения границ Российской империи на восток в сфере интересов государства оказался Корейский полуостров. Корея рассматривалась как важный стратегический пункт, овладение которым являлось необходимым условием осуществления ближайших и долгосрочных внешнеполитических задач России в Восточной Азии. С закреплением на Корейском полуострове страна получала незамерзающие порты и возможность круглогодично контролировать акватории Японского и Жёлтого морей со стороны материка.

В последней трети XIX в. Корейский полуостров оказался и в числе внешнеполитических приоритетов Японии. Она включилась в международные отношения на Дальнем Востоке сравнительно поздно — после реставрации Мэйдзи (1868 г.). Несмотря на данное обстоятельство, в течение всего трёх лет — с 1871 по 1874 г. — эта страна заявила о своих внешнеполитических амбициях и претензиях на региональное лидерство попытками навязать Китаю неравноправный договор, захватом островов Рю-кю (Окинава) и военной экспедицией на Тайвань. Корея также интересовала Японию, причём не только в качестве объекта колониальной экспансии, но и как территория, необходимая для подготовки военной агрессии против Китая и дальнейшего продвижения на континент.

Вхождение в последней трети XIX в. Корейского полуострова в сферы восточноазиатских интересов Японии и России положило начало соперничеству двух государств за военно-политическое и экономическое доминирование в Корее. К истории этого противоборства в разное время обращались как российские, так и зарубежные исследователи. В работах Пак Чон Хё [13], В.О. Курбанова [6], И.Р. Савельева [22; 30], Вада Харуки [25; 26], Акидзуки Нодзоми [24], Е-Бок Ли [23] получили рассмотрение колонизация Кореи Японией, борьба корейского народа за независимость, деятельность корейского сопротивления на русском Дальнем Востоке, японская континентальная политика, а также история формирования русско-корейской границы.

Несмотря на существование в российской и зарубежной исторической науке фундаментальных исследований, посвящённых корейской проблеме и её влиянию на русско-японские отношения, отдельные аспекты данной проблематики нуждаются в дополнительном изучении, а некоторые положения научных работ — в уточнении и переоценке.

В частности, в российской историографии высказывается мнение, что Корейский полуостров играл ключевую роль в дальневосточной политике Санкт-Петербурга в последней трети XIX — начале XX столетия [11, с. 137; 19, с. 72]. Однако касавшиеся корейского вопроса внешнеполитические действия царского правительства за указанный период и провальный для Российской империи финал «корейской эпопеи» на переговорах в Портсмуте ставят под сомнение данную точку зрения. Кроме

того, необходимо проанализировать, какие долгосрочные последствия для российских геополитических интересов в Восточной Азии имел переход в 1905 г. Корейского полуострова в сферу влияния Японии.

Представленная работа преследует цель, развивая и дополняя положения вышеназванных исследований на основе привлечения новых исторических источников и специальной литературы, проанализировать историю корейского вопроса в русско-японских отношениях в последней трети XIX — начале XX в., а также показать роль Кореи в дальневосточной политике России.

До середины 70-х гг. XIX в. корейское государство проводило политику самоизоляции и не заключало международных соглашений с иностранными державами. Под дулами военных кораблей в 1876 г. Корея была вынуждена подписать первый международный договор с Японией (в японской исторической литературе — Ниттё сюко дзёки 日朝修好条規, ‘Японо-корейский договор о дружбе’), в соответствии с которым для свободной торговли между двумя странами открывались три корейских порта — Пусан, Вонсан и Инчхон [7]. В течение последующих 10 лет между правительствами Японии и Кореи был подписан ряд дополнительных договоров и соглашений, предусматривавших учреждение японских селтльментов в корейских портах, а также нахождение в Сеуле японских войск для охраны дипломатической миссии.

В отличие от Японии Россия не использовала в отношении Кореи методы силового давления, придерживаясь принципа сохранения статус-кво на Корейском полуострове. Как указывает Б.Б. Пак, заключение корейско-японского договора 1876 г. «не изменило взгляда российского МИД на необходимость придерживаться выжидательной позиции в отношении Кореи до тех пор, когда западные державы откроют себе доступ в эту страну». Россия стала искать контакты с корейским правительством только после подписания им в 1882—1883 гг. соглашений с США, Великобританией и Германией, когда Корея уже представляла собой полукOLONиальное государство [12, с. 26].

В 1884 г. был заключён Русско-корейский договор о дружбе, согласно которому между двумя странами были установлены дипломатические отношения, русские корабли получили возможность совершать рейсы в корейские порты, а подданные России могли свободно заниматься торговлей на территории Кореи. Таким образом, царское правительство заключило дипломатический союз уже после ведущих европейских держав, США и Японии.

После вышеназванного соглашения российская дипломатия продолжала проводить по отношению к Корее политику, направленную на сохранение там существующего положения. До середины 90-х гг. XIX в. корейско-русские отношения строились главным образом вокруг приграничной торговли на севере Корейского полуострова и переселения корейцев на русский Дальний Восток.

В отличие от России Япония проводила мероприятия по усилению своих позиций на полуострове. Под предлогом содействия корейскому национально-освободительному движению, направленному против Китая, в 1884 г. японское правительство попыталось организовать в Корее государственный переворот. В 1885 г. Китай и Япония договорились без взаимного согласования не вводить войска на территорию Корейского полуострова, формально находившегося под суверенитетом Китая. Таким образом, в 1880-е гг. на Дальнем Востоке на первый план выходили японо-китайские разногласия по вопросу доминирования в Корее.

Растущее соперничество между Китаем и Японией позволило России укрепить собственные позиции на Корейском полуострове. Весной 1894 г. там вспыхнуло восстание «против японцев и западных варваров», руководимое сектой Тонхак*. Главный китайский резидент в Корее — Юань Шикай — посоветовал королевскому двору попросить военной помощи у Китая [33, с. 13]. Узнав об этом, правительство Ито Хиробуми заявило о решении направить в Корею войска под предлогом защиты находящихся там подданных Японии. Поскольку Пекину и Токио не удалось договориться, кому следует первым вывести войска, дипломатические разногласия переросли в войну. 17 апреля 1895 г. был подписан Симоносекский мирный договор: Япония не только получила ряд территорий (Пескадорские острова, Тайвань, Ляодунский полуостров), но и добилась уничтожения вассальной зависимости Кореи от Китая [1, с. 94—98].

Выполнение Пекином всех условий Симоносекского договора существенно усиливало позиции Японии в Восточной Азии и представляло угрозу интересам Санкт-Петербурга в Корее и Китае. При поддержке Берлина и Парижа царское правительство выступило инициатором Трёхстороннего вмешательства в условия японо-китайского мирного договора. Китаю был возвращён Ляодунский полуостров, который Пекин отдал в аренду России в 1898 г. В продолжение политики, направленной на защиту интересов России на Корейском полуострове, в 1896 г. был заключён Союзный договор России и Китая, предусматривавший оказание взаимной помощи в случае японской агрессии в отношении Кореи [15, с. 73].

В июле 1895 г. по инициативе королевы Мин, известной своими антияпонскими взглядами, из корейского правительства были удалены прояпонские политики. Тогда же король Коджон обратился к России с предложением направить в его страну русских инструкторов, врачей, преподавателей, а также открыть кадетский корпус. Согласие царского правительства позволило бы значительно упрочить статус России в Корее. Однако идея не встретила поддержки в Санкт-Петербурге, который придерживался умеренной политики в отношении Корейского полуострова.

* Тонхак (東学, букв. 'восточное учение') — националистическое общественно-религиозное движение в Корее. Появилось в последней трети XIX в. в качестве ответа «западному учению» — христианству, в действительности было направлено против коррупции в Корее и влияния иностранных государств [29, с. 144—145].

Нельзя не согласиться с мнением В.П. Нихамина, считавшего, что такой умеренный курс объяснялся изменившимся после японо-китайской войны положением в Восточной Азии: «Поражение Китая и открывшиеся в связи с этим возможности проникновения в Маньчжурию отодвигали в глазах царского правительства корейский вопрос на второй план» [11, с. 142].

Воспользовавшись нерешительностью Российской империи, Япония вскоре взяла реванш за Трёхстороннее вмешательство и успехи дипломатии Санкт-Петербурга. Назначенный в Корею новый японский посланник Миура Горо организовал 8 октября 1895 г. нападение на королевский дворец в Сеуле, в ходе которого была убита королева Мин [4, с. 330]. Для поддержки действий посланника Япония направила в Корею войска. Сразу после захвата дворца Коджон был вынужден подписать указ о назначении нового корейского правительства, которое возглавил один из непосредственных участников нападения — Ким Хон Чжип. Король был отстранён от государственных дел и содержался в своей резиденции на положении пленника. Вернуть законную власть силами собственной страны, не имевшей армии (за исключением королевской гвардии), Коджону не представлялось возможным. 2 февраля 1896 г. он передал российскому поверенному в делах К.И. Веберу записку с просьбой позволить ему переехать в русскую дипломатическую миссию. После получения согласия из Санкт-Петербурга 22 февраля Коджон вместе с наследником корейского престола перебрался в российское посольство, где они находились до февраля 1897 г.

В результате подписания в мае 1896 г. Россией и Японией Сеульского меморандума последняя согласилась вывести свои войска с Корейского полуострова [13, с. 20]. Достижение этой договорённости подготовило условия для диалога между Санкт-Петербургом и Токио по корейскому вопросу. Один из наиболее влиятельных государственных деятелей Японии Ямагата Аритомо решил использовать свою поездку на коронацию Николая II для обсуждения с российской стороной дальнейших действий обеих стран в Корею. В начале июня 1896 г. Ямагата и министр иностранных дел России А.Б. Лобанов-Ростовский подписали Московский протокол. Его условия предусматривали юридическое равенство Японии и России в вопросах предоставления Корею военной и финансовой помощи, а также устанавливали права обеих стран содержать на Корейском полуострове военные силы для охраны своих интересов [21, с. 44].

С точки зрения российских внешнеполитических интересов в Восточной Азии, подписание Сеульского меморандума и Московского протокола стало удачным мероприятием, которое смогло на время устранить угрозу военного конфликта с Японией из-за Кореи. Вместе с тем выше-названные межправительственные договорённости не означали отказа нашей страны от борьбы за влияние на Корейском полуострове. Российский министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский по поводу Московского протокола заметил, что это соглашение «не касается будуще-

го» [11, с. 160]. С одной стороны, в 1896 г. политика России в отношении Корейского полуострова активизировалась. В то же время подписание с Японией двух вышеназванных соглашений не устранило взаимоисключающих принципов дальневосточного курса Санкт-Петербурга: упрочить в Корее своё положение и при этом не рассориться ни с Японией, ни с другой ведущей державой. Неудивительно, что среди корейских политиков и простых корейцев популярность России постепенно снижалась.

В феврале 1898 г. корейское Общество независимости организовало митинг, на котором было зачитано обращение к императору Коджону, содержащее протест против иностранного (в т.ч. и российского. — *Ю.П.*) вмешательства во внутренние дела Корейского государства. В ответ на это в марте 1898 г. царское правительство запросило Сеул, признает ли Корея необходимой дальнейшую русскую поддержку в финансовых и военных вопросах. Получив ответ, что в стороннем содействии больше нет необходимости, Россия отозвала своего финансового советника при корейском правительстве К.А. Алексева и военных инструкторов. 6 марта 1898 г. было опубликовано официальное сообщение, в котором говорилось, что Санкт-Петербург будет отныне воздерживаться от всякого участия в корейских делах. Вильгельм II в одном из писем российскому императору почему-то назвал этот неудачный дипломатический шаг «мастерским соглашением в Корее, которым... удалось успокоить чувства сердитых японцев» [14, с. 23, 181].

Несмотря на официальное заявление, Россия сохранила военное присутствие вблизи русско-корейской границы. Формально это было сделано для охраны лесных концессий в бассейнах рек Туманган и Амноккан. В действительности нахождение войск преследовало целью оборонительное сдерживание Японии вблизи русских дальневосточных рубежей. Кроме того, в 1900 г. царское правительство арендовало часть порта Масанпо*, тем самым утвердив своё присутствие на юге Кореи. Эти действия повлекли за собой усиление напряжённости в русско-японских отношениях. Возглавивший в 1901 г. правительство Японии Кацура Таро рассчитывал заключить союз с одной из европейских держав, чтобы закрепить позиции своей страны в Восточной Азии и установить протекторат над Кореей. В 1902 г. был подписан англо-японский союзный договор, который документально оговаривал существование у Великобритании специальных интересов в Китае, а у Японии — в Корее и Китае, а также устанавливал право на вмешательство Токио и Лондона во внутренние дела этих государств для защиты своих интересов [31, с. 170—171].

Подписание англо-японского союзного договора не оставило шансов для мирной договорённости Японии и России по поводу Кореи. В данном случае нельзя не согласиться с японским исследователем Сьюмпэй Окамото, отмечавшим, что отныне «...японское господство в Корее... (рассматривалось царским правительством. — *Ю.П.*) как прямая угроза

* По «масанскому вопросу» см.: [13, с. 50—63].

России в Маньчжурии, так же как и российское господство в Маньчжурии будет угрозой безопасности Кореи» [18, с. 99—100]. Схожую точку зрения высказывал и другой японский учёный Камимура Синьити, по мнению которого, в лице Великобритании Токио приобрёл надёжного союзника в деле признания за Японией особых интересов в Корее (в противовес России. — *Ю.П.*), а также сдерживания «безрассудной российской экспансии» [28, с. 28].

После заключения в 1902 г. англо-японского союзного договора Япония приступила к усилению военного присутствия в Корее под предлогом защиты проживавших там своих подданных. На состоявшейся 21 апреля 1903 г. встрече Ямагата Аритомо, Ито Хиробуми, премьер-министра Кацура Таро и министра иностранных дел Комура Дзютаро была выработана общая линия политики Токио по корейскому вопросу: «Япония должна заставить Россию признать преобладающие права Японии в Корее... не делать России уступок ни в чем, что касается Кореи» [18, с. 97—98].

Царское правительство не собиралось отказываться в пользу Японии от собственных интересов на Корейском полуострове. Министр внутренних дел В.К. Плеве, статс-секретарь А.М. Безобразов, Е.И. Алексеев, назначенный в 1899 г. главным начальником и командующим Квантунской областью и морскими силами России на Тихом океане, выступили за силовое решение корейской проблемы. У Токио и Санкт-Петербурга ещё существовала теоретическая возможность решить споры мирным путём, разделив сферы влияния на Корейском полуострове по 38-й параллели. Однако договориться не удалось.

Великобритания, заинтересованная в ослаблении России в Восточной Азии, активно подталкивала Японию к войне. В свою очередь царское правительство вообще не рассматривало Токио как серьёзного противника. Предстоящая война на Дальнем Востоке виделась государственным деятелям вроде В.К. Плеве и А.М. Безобразова как несложная военная операция, которая должна была быстро урезонить «зарвавшееся» островное государство. Таким образом, главными причинами Русско-японской войны можно считать обострение противоречий между Японией и Россией по корейскому вопросу, нежелание обеих стран пойти на взаимные уступки в деле разграничения сфер интересов на Корейском полуострове, безоговорочную уверенность царского правительства в скорой победе.

Вслед за началом военных действий на Дальнем Востоке Соединённые Штаты объявили дальнейшую судьбу независимости Кореи практически решённой. Так, советник президента Т. Рузвельта У. Рокхилл заметил по поводу будущего Корейского полуострова следующее: «...аннексия Японией Кореи кажется уже совершенно обозначенной. Это будет один мощный и финальный шаг в деле расширения <границ> Японии в западном направлении» [20, с. 40]. Аналогичное мнение выразил и сам глава Белого дома: «Рано или поздно, но Японии следует захватить Корею. Это будет лучше как для самих корейцев, так и для Азии. Не думаю, что

японцам следует делать это прямо сейчас, но рано или поздно Японии лучше будет подчинить Корею себе» [20, с. 46].

Накануне завершения Русско-японской войны США выразили согласие с «...решительными мерами, которые Япония неизбежно должна будет предпринять для ликвидации угрозы нового военного конфликта» (на Корейском полуострове. — *Ю.П.*) [31, с. 173]. Под «решительными мерами» в данном случае понималось установление японского контроля над Кореей. 29 июля 1905 г. военный министр США Уильям Тафт и премьер-министр Японии Кацура Таро заключили соглашение, согласно которому Соединённые Штаты признавали интересы Японии в Корее, а Япония — американский контроль над Филиппинами. Таким образом, к осени 1905 г. Япония обеспечила поддержку своей политики на Корейском полуострове со стороны не только Великобритании, союзником которой она являлась, но и США.

На переговорах в Портсмуте российской делегации пришлось пойти на уступки в корейском вопросе. Отказ японской стороны внести в протокол конференции положение о суверенитете императора Кореи не встретил возражений у представителей царского правительства. Кроме того, в соответствии со ст. 2 Портсмутского мирного договора, Санкт-Петербург признал Корейский полуостров сферой японских интересов: «Российское императорское правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы — политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, которые императорское японское правительство могло бы счесть необходимым принять в Корее» [27, с. 477—478; 15, с. 115].

После признания Россией Кореи в качестве сферы интересов Японии ничто не могло остановить японское правительство от окончательного подчинения полуострова. Тем не менее Коджон пытался попросить защиты у Санкт-Петербурга. Ещё до завершения русско-японских переговоров о мире он поручил чиновнику Ли Ён Ику выехать в российскую столицу для вручения Николаю II обращения корейского императора. Перед визитом в Санкт-Петербург чиновнику предстояло встретиться в Шанхае с бывшим российским посланником в Корее А.И. Павловым. Эта встреча состоялась только 15 сентября 1905 г., т.е. уже после подписания Портсмутского мирного договора. Ли Ён Ик сообщил А.И. Павлову, что ему поручено направиться в российскую столицу, чтобы встретиться с министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом [17].

В обращении Коджона к российскому императору, которое чиновник вёз с собой, содержался призыв помешать японскому правительству установить контроль над Корейским полуостровом: «всему миру известно, что Россия всегда поддерживала независимость Кореи. Ныне в минуту предстоящего заключения мира (между Японией и Россией. — *Ю.П.*) я глубоко убеждён, что положение моей страны может быть спасено только могущественным содействием Вашего Величества... Решаюсь прибегнуть к Вашему Императорскому Величеству в надежде, что моей

стране удастся сохранить независимость» [17]. После визита в Санкт-Петербург корейскому чиновнику было предписано посетить ряд европейских стран, чтобы привлечь внимание Европы к событиям, разворачивавшимся в Корее*.

Однако Ли Ён Ику не удалось добиться вмешательства России в японо-корейские дела. А.И. Павлов не стал оказывать посланнику Коджона никакого содействия: «я сказал Ли Ён Ику, что ввиду состоявшегося уже заключения мира данное ему... поручение является запоздалым» [17]. Российский министр иностранных дел В.Н. Ламздорф одобрил действия А.И. Павлова и сообщил, что считает миссию корейского чиновника абсолютно бесполезной [16]. Позиция дипломатов была совершенно оправданной, так как по условиям Портсмутского мирного договора царское правительство признало доминирование экономических, политических и военных интересов Японии на Корейском полуострове. Какое-либо вмешательство в японо-корейские отношения со стороны России противоречило бы достигнутой договорённости.

Таким образом, точка в русско-японском противостоянии по поводу корейской проблемы формально была поставлена на переговорах в Портсмуте в августе 1905 г. Россия отказалась от дальнейшей борьбы за Корею и признала её сферой интересов Японии. Тем самым завершилось многолетнее соперничество между двумя странами за военно-политическое и экономическое преобладание в Корее, в итоге приведшее Россию и Японию к войне.

В российской историографии итогам Русско-японской войны и Портсмутскому миру даются разные оценки. Например, А.Т. Мандрик считает, что поражение России и последовавшее за этим предоставление японцам привилегий в Тихоокеанском рыболовстве в первую очередь нанесло удар по российским экономическим интересам на Дальнем Востоке. В работе учёного утверждается, что «предоставление японским подданным монопольного права эксплуатации русских вод» являлось *основным требованием* (выделено автором. — Ю.П.) Японии к побеждённой России [9, с. 162—163]. Л.Н. Кутаков подчёркивает, что наиболее существенной уступкой Японии со стороны царского правительства стала передача Южного Сахалина — «важного стратегического рубежа России на Тихом океане» [8, с. 272]. По мнению В.А. Маринова, с получением прав на Ляодунский полуостров Япония приобрела важнейший стратегический пункт, позволявший влиять на обстановку в Китае и Маньчжурии [10, с. 8].

---

* По всей видимости, правительству Японии не было известно о миссии корейского чиновника. Судя по дневнику Тэраути Масатакэ, занимавшего в то время пост военного министра, к моменту начала мирной конференции японское правительство было больше обеспокоено не ситуацией в Корее, а переговорами с Россией и условиями будущего договора. Например, в записях за июль 1905 г. наряду с информацией о совещаниях и встречах говорится о направлении на север Кореи японских войск и формировании 15-й и 16-й дивизий. Однако упоминаний о миссии Ли Ён Ика в дневнике не обнаружено [32, с. 334—345].

На первый взгляд, на фоне изначальных требований японской стороны к России, сводившихся к передаче Японии всей Южно-Маньчжурской железной дороги и всего Сахалина, а также выплате контрибуции [4, с. 579], согласие Санкт-Петербурга на переход Кореи в сферу японских интересов выглядело относительно безболезненной уступкой, позволившей заключить мир с недавним противником. В то же время, с точки зрения долгосрочных внешнеполитических задач на Дальнем Востоке, именно переход Корейского полуострова в японскую сферу влияния нанёс ощутимый удар по российским региональным интересам.

Отказавшись от Кореи, русские дипломаты отдали Японии часть суши, имевшей для России не меньшее, если не большее значение, чем Сахалин. Сохранение контроля над Корейским государством обеспечивало царскому правительству существенное преимущество на Дальнем Востоке. Во-первых, находящийся под контролем России Корейский полуостров служил естественной защитой Северной Маньчжурии, входившей в сферу российских интересов. Во-вторых, Страна утренней свежести являлась для Российской империи тем самым «опорным пунктом неизмеримой важности» [10, с. 8], который позволял держать под контролем японскую Южную Маньчжурию и подходы к ней со стороны моря.

Далеко не случайно часть российских военных кругов, разделявшая данную точку зрения, даже после Русско-японской войны по-прежнему считала Корею приоритетом внешней политики в Восточной Азии. Например, по мнению военного министра В.А. Сухомлинова, «несомненное стремление Японии к расширению своих интересов на материке и весьма неясные и двусмысленные отношения её с Китаем, явно враждебные нам, обязывают нас использовать (против Японии. — *Ю.П.*) все доступные нам средства». Одним из таких средств, по мнению В.А. Сухомлинова, являлось «поднятие в тылу японских армий всеобщего восстания в Корее» [5, с. 215]. Точку зрения министра разделял А.Н. Куропаткин: «надо создавать Японии затруднения в Корее и Китае. Японцы так грубы и жестоки с слабыми, что надо помочь вызвать против них раздражение глубоких масс в Китае и Корее» [3, с. 83—84].

Организация восстания на Корейском полуострове, предлагавшаяся В.А. Сухомлиновым и А.Н. Куропаткиным, вряд ли привела бы к уходу японских войск. Вооружённый конфликт на корейской территории, вероятнее всего, перерос бы в новую войну между Японией и Россией. Очевидно, что бороться за сохранение влияния в Корее царскому правительству следовало на переговорах в Портсмуте, когда для этого ещё существовали возможности. Теперь же дипломатическим кругам оставалось лишь смириться с потерей Кореи и действовать в дальневосточных делах с большей осмотрительностью, чтобы не повторить недавних просчётов.

Указанной точки зрения придерживался Г.А. Плансон — первый полковоенный консул России в Сеуле. В представленной Николаю II докладной записке он призвал русского царя мирными средствами отстаивать перед японским правительством права России в Корее [2]. Г.А. Плансон

считал, что после Русско-японской войны Российской империи следовало не стремиться к новым территориальным приобретениям на Дальнем Востоке, а стараться сохранить уже имеющиеся интересы. Осуществлению такой политики, по мнению консула, способствовало наличие у России общих с Японией интересов: «может наступить благоприятный момент для... соглашения с Японией, в силу которого России удастся осуществить мирным путём... свои исторические задачи на побережье Тихого океана». На докладной записке Г.А. Плансона Николай II пометил, что он вполне одобряет положения этого документа [2].

После завершения Русско-японской войны царское правительство перешло к политике поддержания статус-кво на Дальнем Востоке и не было намерено возвращаться к военному противостоянию с Японией по корейской проблеме. Послевоенный внешнеполитический курс Санкт-Петербурга предусматривал не только сохранение сложившегося баланса сил в Восточной Азии, но и проведение там совместной с Японией политики. Однако в дальнейшем России далеко не всегда удавалось взаимодействовать с Японией по принципам равноправного партнёрства в региональных вопросах. Последнее обстоятельство во многом объяснялось сделанными царским правительством уступками, в том числе и в корейском вопросе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М.: Ин-т Востоковедения, 1927. 218 с.
2. Докладная записка Г.А. Плансона «Начало корейской эпопеи». 15 января 1906 г. // ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации). Ф. 818. Оп. 1. Д. № 149. Л. 1—4.
3. Из дневника А.Н. Куропаткина. 30 января 1906 г. // Красный Архив. Т. 1 (8). 1925. Nendeln, Liechtenstein: Kraus Reprint LTD, 1966. С. 82—95.
4. История дипломатии. Т. 2. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1963. 820 с.
5. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2001. 378 с.
6. Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи с древности до конца XX в. СПб.: СПбГУ, 2002. 626 с.
7. Курбанов С.О. Россия и Корея // ASIA-TIMES.RU: инф. портал «Азиатская библиотека». URL: http://www.asia-times.ru/countries/koreas/russia_korea.html (дата обращения: 21.06.2013).
8. Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Гл. редакция. вост. литер., 1988. 381 с.
9. Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е гг. XVII в. — 20-е гг. XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1994. 192 с.
10. Маринов В.А. Россия и Япония перед Первой мировой войной (1905—1914 гг.). Очерки истории отношений. М.: Гл. редакция. вост. литер. изд-ва «Наука», 1974. 152 с.
11. Нихамин В.П. Дипломатия русского царизма в Корею после Японо-китайской войны (1895—1896 гг.). По документам Архива внешней политики России // Учёные записки. История международных отношений, история зарубежных стран. М.: Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1957. С. 137—172.
12. Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея (1876—1898): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2006. 43 с.

13. Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904—1905 гг. и Корея. М.: Вост. литература РАН, 1997. 278 с.
14. Переписка Вильгельма Гогенцоллерна с Николаем Романовым. М.: Гос. изд-во, 1923. 210 с.
15. Русско-китайские отношения. 1689—1916. Официальные документы. М.: Изд-во вост. литературы, 1958. 139 с.
16. Секретная телеграмма министра иностранных дел Павлову в Шанхай от 6 сентября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. № 111. Л. 2.
17. Секретная телеграмма Павлова. Шанхай, 4 / 17 сентября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. № 111. Л. 1.
18. Сьюмпэй Окамото. Японская олигархия в Русско-японской войне. М.: Центрполиграф, 2003. 317 с.
19. Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905—1914 гг. Хабаровск—Москва: Изд-во Ин-та востоковедения РАН, 2008. 320 с.
20. Nahm Andrew C. U.S. Policy and the Japanese Annexation of Korea // U.S. — Korean Relations 1882—1982. Seoul: The Institute for Far Eastern Studies Kyungnam University, 1982. P. 34—48.
21. Nish I.H. The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of Two Island Empires 1894—1907. London and Dover NH: The Athlone Press, 1985. 420 p.
22. Saveliev Igor. Militant Diaspora: Korean Immigrants and Guerrillas in Early Twentieth Century Russia // Forum of International Development Studies. 26 (Mar. 2004). P. 147—162.
23. Yur-Bok Lee. Resistance. Paul Georg von Mellendorff and the Anglo-Russian Conflict over Korea in the mid-1880s // Россия и АТР. 1993. № 1. С. 124—135.
24. Акидзуки Нодзоми. Тёро коккё но сэйрицу то тэсэн но тайо = Установление корейско-российской границы и реакция Кореи // Кокусай гаку кэнкю = Международные научные исследования. 1991. № 8. С. 23—37. Яп. яз.
25. Вада Харуки. Нитиро тобо хандзайнин хикиватаси дзёяку фудзоку химицу сэнгэнсё = Секретное приложение к русско-японскому договору о выдаче преступников // Токё дайгаку сякай кагаку кэнкюдзё киё = Бюллетень Исследовательского центра социальных наук Токийского университета. 1976. № 4. С. 86—116. Яп. яз.
26. Вада Харуки. Росиа рё кёкуто но тэсандзин = Корейцы на русском Дальнем Востоке (1863—1937) // Токё дайгаку сякай кагаку кэнкюдзё киё = Бюллетень Исследовательского центра социальных наук Токийского университета). 1989. № 6. С. 235—286. Яп. яз.
27. Кадзима Мориносукэ. Нихон гайко си. Нитиро сэнсо = История дипломатии Японии: Русско-японская война. Т. 7. Токио: Кадзима кэнкюдзё сьуппанкай, 1970. 492 с. Яп. яз.
28. Камимура Синьити. Гайко годзюнэн = Пятьдесят лет дипломатической работы. Токио: Дзидзи цусинся, 1960. 341 с. Яп. яз.
29. Мотто сиритай Канкоку = Корея, о которой хочется знать больше. Т. 1. Токио: Кобундо, 1997. 261 с. Яп. яз.
30. Савельев И.Р. Имин то кокка. Кёкуто Росиа ни окэру тьюгокудзин, тэсандзин, ни хондзин имин = Иммигранты и государство: китайская, корейская и японская диаспоры на русском Дальнем Востоке. Токио: Отя но мидзу сёбо, 2005. 323 с. Яп. яз.
31. Сирё тайкэй Адзиа Афурика кокусай канкэй сэйдзи сякай си = Тематические документы по социально-политической истории и международным отношениям в Азии и Африке. Т. 2. Токио: Папирусу сьуппан, 1987. 529 с. Яп. яз.
32. Тэраути Масатакэ никки = Дневник Тэраути Масатакэ (1900—1918). Киото: Киото дзёси дайгаку, 1980. 768 с. Яп. яз.
33. Хирацука Масао. Нитиро сэнсо = Русско-японская война. Токио: Кавадэ сёбо синся, 1999. 152 с. Яп. яз.